

Спустя три дня на торговой площади палач на глазах у толпы лишил осужденных голов. Вскоре после этого госпожа Чэн, забрав двоих сыновей, навсегда покинула уезд Синьфэн. Семьи Ци и Чэн окончательно канули в небытие, а дома Ся и Гао, лишившись половины своих домочадцев, оказавшихся за решеткой, пребывали в жалком запустении. На фоне этого разгрома возвысилось семейство Сюй: они не только упрочили свое положение, но и прибрали к рукам немало лавок, которые четыре великих клана в спешке распродавали за бесценок. Богатые купцы Синьфэна тоже не упустили случая поживиться, раскупая поместья и уголья, однако львиная доля имущества бывших хозяев уезда осела в закромах уездной управы.

Чэн Вэнь укладывал свои нехитрые пожитки. Госпожа Чэн торопилась поскорее сбыть даже мебель; в итоге удалось выручить двадцать лянов серебра. Вместе с припрятанными ранее сбережениями этой суммы должно было хватить, чтобы обосноваться в Сюйчжоу. Родня их, люди корыстные и заносчивые, едва завидев, что Чэны лишились власти, тут же отвернулись от них. Не будь у вдовы при себе денег, их бы заклевали до смерти.

— Пора в путь, второй сын, — тихо позвала мать.

Никто из прежних школьных товарищей, с которыми Чэн Вэнь когда-то делил досуг, не пришел проводить его. С тех пор как над семьей Чэн разразилась гроза, никто не предложил помощи и не прислал даже весточки с сочувствием. Услышав зов матери, юноша лишь коротко отозвался и, не оборачиваясь, покинул родной дом.

***

Будь то торговля, выращивание лекарственных трав или строительство дорог — в казне уезда теперь хватало средств на всё. Рвение народа, занятого на дорожных работах, росло с каждым днем; треть пути была уже проложена.

— Вот дотянем дорогу до самого уезда Лань, — смеялся один из рабочих, обнажив по пояс крепкое тело, — тогда и невесту смогу себе оттуда присмотреть!

— Мечтай больше, — отозвался мужчина постарше, тащивший тяжелый камень. — Коли в кармане пусто, а в голове ветра гуляют, ни одна девица из доброй семьи, ни один гэ'эр на тебя и не посмотрит, хоть в самом Ланьском уезде, хоть где.

— И то правда, — подхватил молодой паренек, ускоряя шаг. — Мне красавицы не надобно, была бы душа человек, чтобы прожить в согласии до конца дней.

— Этот малый дело говорит, честный он, — слышался смехок из толпы. — А то есть тут умельцы: заработают на дороге пару медяков, да всё в веселых домах и спустят, обнимая девок.

За работой мужчины коротали время в неспешных разговорах, иначе тяжелый труд казался совсем унылым. Стражники, приглядывавшие за порядком, больше не пускали в ход плети и палки, стоило кому-то замедлиться, как бывало прежде — ныне к людям относились с долей снисхождения.

Чжэн Шаньцы прошелся по новому участку цементной дороги. Вид ровного полотна, уходящего к горизонту, наполнял его сердце удовлетворением. Оставалось лишь дожидаться, когда оно достигнет границ соседнего уезда.

— Господин Чжэн, взгляните, как славно поднялась солодка на полях, — заметил следовавший за ним Тань Хэ.

Благодаря новым удобрениям и твердой поддержке уездной управы, крестьяне трудились с утроенной силой. Зная, что им не придется самим искать покупателей и бояться обмана, люди вкладывали в землю всю душу. Торговля была им не под силу, зато в возделывании пашни им не было равных, и то, что управу взял на себя чиновник Чжэн, дарило им покой.

После разгрома четырех семейств у управы скопилось множество домов и земель. Половину городских усадеб Шаньцы распорядился выставить на продажу, а другую часть решил оставить: одни превратить в торговые лавки, другие — даровать в качестве награды наиболее усердным чиновникам и стражникам. Земли же продавать не спешили. Шаньцы превратил половину угодий в казенные поместья, наняв местных жителей для их обработки. Такие хозяйства освобождались от налогов, а весь урожай шел прямым путем на кухню общественной столовой, что позволяло ей полностью обеспечивать себя продуктами.

Другую половину земель Шаньцы поручил Податной канцелярии переписать в реестры. Эти наделы предназначались для переселенцев и молодых жителей Синьфэна, достигших совершеннолетия.

Законы Великой Янь гласили: по достижении зрелости мужчине полагалось тридцать му земли, а женщине или гэ'эр — пятнадцать. Этот надел оставался за ними до самой смерти. В крестьянских семьях детей рождалось много — так люди пытались застраховаться от нужды и превратностей судьбы, хотя прокормить ораву и уберечь их от болезней было тяжким бременем. Дети в деревнях уже с семи-восьми лет приучались к труду, но родители всё равно больше радовались сыновьям.

Сыновья обладали силой, помогали по хозяйству и обычно не отделялись от родительского дома, оставаясь опорой семьи. Дочери же и гэ'эр рано уходили в чужие дома, принося напоследок лишь выкуп. Лишь после того как императорским указом им стали выделять личные наделы, их положение в семьях стало заметно меняться к лучшему.

Стоит признать, законы нынешней династии были куда милосерднее прежних. Даже в случае развода женщина или гэ'эр сохраняли право на свою землю и могли забрать её с собой. Участок кормил их до последнего вздоха, и лишь после кончины возвращался в казну.

Заметив, как усердно Тань Хэ следует за ним, Чжэн Шаньцы одобрительно похлопал его по плечу:

— Довольно на сегодня, возвращайся к делам.

Тань Хэ почтительно поклонился и дождался, пока начальник уезда скроется из виду.

Будучи зятем бывшего помощника начальника уезда Ци, после падения клана Тань Хэ лишился роскошного дома, где жил с молодым господином Ци — жилье отошло казне. Ныне Тань Хэ верно служил Чжэн Шаньцы, ведя дела с Податной канцелярией по вопросам дорожного строительства. Голос его в управе окреп, и за эти годы он сумел накопить достаточно, чтобы купить небольшой собственный дом. Пусть усадьба стояла на окраине, зато при ней был уютный дворик.

Вернувшись домой, он позволил себе немного расслабиться. Войдя в спальню, Тань Хэ увидел Гэ'эр Ци: тот крепко спал, но руки и ноги его были скованы железными цепями. Поначалу он хотел бросить его — ведь их брак когда-то был вынужденным, и он давно заготовил бумагу о разводе. Однако, узнав, что безумный супруг задумал покушение на господина Чжэна, Тань Хэ понял: это верная смерть. Чтобы спасти неразумного, ему не оставалось ничего другого, как запереть его под замок.

Слуг в доме не было, и Тань Хэ сам принялся за готовку.

Гэ'эр Ци вскоре проснулся; взгляд, которым он одарил мужа, был полон такой ненависти, что казалось, он готов растерзать его на месте. Его супруг лишь спокойно произнес:

— Чиновник Ци получил по заслугам. Твое замужество спасло тебя от плахи, господин Чжэн милостиво освободил замужних детей от наказания. А ты задумал убийство... Неужели тебе так не терпится отправиться на тот свет?

— Тань Хэ, лицемер! — загремел цепями молодой господин Ци. — Отпусти меня! Коли есть в тебе смелость — оставь меня в покое!

***

Дела в мастерской по изготовлению острого соуса шли в гору. Чжэн Шаньцы доверил надзор управляющим, лишь изредка заглядывая с проверкой. Собственные закусовые тоже приносили добрый доход. Юй Ланьи тем временем всю хлопотал над открытием винной лавки, как раз закончив переговоры с Гэ'эр Сюем о подходящем помещении.

Вернувшись домой, Шаньцы застал Ланьи в некотором раздражении.

— Опять прислали приглашение? — недовольно махнул рукой Юй Ланьи. — В следующий раз

даже не говори мне о таком.

Цзинь Юнь поклонился и поспешил удалиться:

— Слушаюсь, молодой господин.

— Вторая невестка, вот здесь вы снова ошиблись петлей, — донесся из сада мягкий голос Чжэн Циньиня.

Шаньцы направился в сторону голоса, гадая, чему это младший брат учит его супруга. Слуги склонились в поклоне, но Шаньцы жестом велел им не шуметь и тихо подошел ближе.

— Эта вышивка — истинная мука! — воскликнул Ланьши. — Я всего лишь хотел вышить для Чжэн Шаньцы мешочек, но, видно, не судьба.

С самого утра он вызвал Циньиня, надеясь, что тот научит его премудростям рукоделия. Весь день прошел в трудах, но вместо изящного узора Ланьши заработал лишь лому в пояснице. Осознав, что тонкая работа не для него и Шаньцы, по всей видимости, никогда не дожидется подарка, сделанного его руками, Ланьши решительно отшвырнул неудавшийся мешочек в корзину. Вздохнув с облегчением, он принялся за чай с печеньем. Обернувшись, он увидел мужа — Шаньцы стоял перед ним в чиновном облачении, статный и спокойный.

— Ланьши, чем это вы тут с Циньинем занимаетесь? — мягко спросил он.

— Просил младшего брата научить меня вышивать, — без тени смущения признался Ланьши. — Весь день промучился, но так ничего и не вышло. В общем, я сдаюсь.

Чжэн Циньинь поднялся, приветствуя брата. На нем было лиловое шелковое платье, волосы скреплены серебряной шпилькой. Глаза его сияли, а черты лица стали тонкими и ясными — он совсем не походил на того испуганного юношу, что только приехал в Синьфэн.

— Не хочешь — не шей, — улыбнулся Шаньцы. — Главное, чтобы ты был доволен.

Ланьши расплылся в улыбке и потянул мужа за рукав:

— Видишь, Циньинь? Твой брат на такие вещи смотрит просто. За это я его и люблю.

От такой прямоты оба брата Чжэн смущенно покраснели.

— Я, пожалуй, пойду, — поспешно проговорил Циньинь, понимая, что его присутствие здесь лишнее.

Стоило младшему брату уйти, как Лань и вовсе отбросил всякое стеснение. Он склонил голову, заставил Шаньцы присесть и принялся жаловаться, требуя размять ему плечи:

— И впрямь не дается мне это учение. В столице папа запирает меня в комнате, заставляя учиться — и всё впустую. Циньинь старался, а я... Видно, не носить тебе моего подарка.

Лань говорил так, будто совершил ради мужа великий подвиг, решившись на то, что раньше считал невозможным. Шаньцы, посмеиваясь, мягко разминал ему плечи.

— Ты и так хорош. Тебе нет нужды меняться.

От этих слов на сердце у Лань стало тепло. Он всегда знал, что Шаньцы не придаёт значения этим условностям. Раньше и няньки, и учителя твердили ему, что изучение «Наставлений для мужчин», шитье и готовка — дела первостепенной важности. Но в поместье маркиза Лань всегда чувствовал, что ему всё это ни к чему, а потому ленился и не желал никому прислуживать.

— Дядя должен вернуться, скорее всего, завтра утром. Поедем встречать его вместе, — Лань легонько подтолкнул Шаньцы, поторапливая его переодеться.

Затея с вышивкой пришла ему в голову после письма от Люй Цзиня. Тот писал из столицы, что отец уже присматривает ему жениха. Когда-то они мечтали, что и после замужества будут дружить домами, а если родятся дети — обязательно их сосватают.

В столице хватало достойных мужей, но Лань всё равно беспокоился за друга. Шаньцы, переодевшись, заметил его задумчивость:

— О чем так крепко задумался?

— Люй Цзинь пишет, что отец ищет ему партию.

Шаньцы вспомнил этого бойкого юношу и улыбнулся:

— Он малый неглупый. Советник Люй крепко стоит на ногах и человек проницательный, так что беды не будет.

— Если в этом году поедем на праздники в столицу, — вздохнул Лань, — мне, верно, уже придется знакомиться с его супругом.

Судя по тому, сколько времени письмо шло из столицы, Люй Цзинь, скорее всего, был уже связан брачными узами. Чжэн Шаньцы понимающе кивнул.

— Ты ведь хотел открыть винную лавку? У меня как раз есть рецепт, — он протянул Лань бумагу, где были описаны улучшения в процессе дистилляции, позволяющие сделать напиток более чистым и крепким. Земли Синьфэна не баловали обилием фруктов, зато для изготовления крепкого алкоголя и лечебных настоек на годжи они подходили идеально. А когда достроят дорогу, зерно и плоды из уезда Лань можно будет доставлять быстро и без лишних трат.

Лань мельком глянул на рецепт, не придав ему особого значения — его больше прельщала роль хозяина лавки. Ему нравилось представлять, как он будет присматривать за делом и со смехом пересчитывать выручку.

Благодаря средствам в казне, Шаньцы нанял больше людей на строительство, и рассчитывал, что к середине лета дорога до Ланьского уезда будет готова. Лекарственные травы созревали в разное время: ягоды годжи — с июня по октябрь, солодка — с августа по октябрь. Основная жатва выпадала на лето и осень.

Шаньцы был рад, что Лань нашел себе занятие — так тот не заскучает дома. Сам он уже разгреб основные дела и теперь чувствовал себя свободнее. Можно было бы в ближайший выходной отправиться с Лань на прогулку верхом и даже заночевать где-нибудь за городом.

Однако Лань за ужином выглядел вялым, ел мало, и даже Гэ'эр Линь забеспокоился:

— Лань, что с тобой?

— Должно быть, погода меняется, — неохотно отозвался тот. — Чувствую какую-то слабость во всем теле.

— Нужно послать за доктором Суном, — встревожился Шаньцы.

— Не стоит, пройдет само, — Лань отложил палочки и ушел в спальню.

— Шаньцы, пойдешь посмотри, как он там, — сказал брат Шаньчэн.

Шаньцы извинился и поспешил вслед за супругом.

Закончив ужин, Шаньчэн и Циньинь остались дома, а Гэ'эр Линь позвал младшего брата прогуляться. На улице дышалось легче. Они купили по три ароматных мешочка с запахом османтуса — такие хорошо было класть в шкаф для свежести или носить на поясе как украшение.

— Циньинь, — нерешительно начал Линь, — мы с твоим старшим братом женаты уже давно, и здоровьем не обижены, но почему-то детей всё нет.

При мысли об этом он невольно вздохнул.

— Невестка, верно, срок еще не пришел, — поспешил утешить его Циньинь. — Вы оба молоды, впереди еще много времени, и детки обязательно будут.

— Да это я так, к слову, — Линь бодро улыбнулся. — Пойдем-ка еще по лавкам пройдемся.

***

Тем временем Чжэн Шаньцы, еще не заходя в спальню, велел Ван Фу немедля звать доктора Суна. Пусть Лань и твердил, что всё в порядке, на душе у мужа было беспокойно. Лишь когда слуга убежал, Шаньцы вошел в комнату.

В спальне за последнее время прибавилось всяких вещиц. Туалетный столик был заставлен баночками и коробочками; Шаньцы заметил целый ряд одинаковых пустых футляров из-под жемчужной пудры — Лань не выбрасывал их, а выстроил в ровную шеренгу.

Шаньцы отодвинул полог кровати и знаком велел Цзинь Юню выйти. Лань лежал с закрытыми глазами, будто спал. Шаньцы осторожно коснулся его лба — жара не было. Облегченно вздохнув, он не стал будить супруга.

Когда пришел доктор Сун, Лань сквозь сон услышал обрывки слов об отсутствии аппетита и слабости. Он приоткрыл глаза; в желудке было муторно, перед взором плясали искры. В неярком свете он увидел Шаньцы — тот в своем чиновном одеянии негромко беседовал с врачом.

— Должно быть, простудился. Сейчас есть небольшой жар, я выпишу снадобье. Проследите, не поднимется ли температура ночью. Если начнет лихорадить — обтирайте теплым полотенцем. Ничего серьезного, господин Чжэн, не извольте беспокоиться.

Лань снова провалился в тяжелое забытье.

«Неужто и впрямь простуда? — вяло подумал он. — Вроде и на сквозняке не сидел...»

Цзинь Юнь принес дымящийся отвар. Шаньцы помог Лань приподняться и, осторожно придерживая, напоил его лекарством.

Лань почувствовал на языке нестерпимую горечь. Сделав пару глотков, он попытался отвернуться, но теплая рука мягко удержала его за подбородок. Голос мужа звучал ласково и успокоивающе:

— Выпей всё до капли. Как закончишь — дам тебе сладкий мармелад.

Шаньцы терпеливо кормил его с ложечки. Когда капли настоя попали Ланьи на одежду, он ничуть не рассердился, а лишь бережно вытер их платком. Когда чаша опустела, он вложил Ланьи в рот кусочек засахаренного плода.

Цзинь Юнь, забрав пустую посуду, неслышно вышел.

Унося поднос на кухню, слуга невольно вздохнул. «Господин так заботится о молодом господине... Столько нежности в каждом взгляде, сам лекарством поит, ни тени досады. До свадьбы я всё гадал, каким окажется зять. Теперь вижу — лучшего и желать нельзя».

Среди ночи Ланьи внезапно проснулся в холодном поту. На талии он почувствовал тяжесть — Шаньцы спал рядом, крепко обнимая его. Почувствовав движение, супруг, не открывая глаз, нащупал лоб Ланьи.

Жара не было.

— Что случилось? — пробормотал он хриплым спросонья голосом.

— Спи, всё хорошо, — Ланьи прижался к его груди и закрыл глаза.

Шаньцы, сонно отозвавшись, поправил одеяло, подоткнув края, чтобы ни один сквозняк не потревожил его супруга.

***

Наутро Ланьи съел немного каши и послушно выпил лекарство. Шаньцы уже собрался в дорогу.

— Ты сегодня оставайся дома, отдыхай. Я сам поеду встречать дядю.

Ланьи ничего не ответил, лишь жалобно посмотрел на мужа. Шаньцы вздохнул, не в силах устоять перед этим взглядом:

— Ладно уж, поедешь со мной в карете.

Второй господин Юй возвращался из столицы. Раз в три года приграничным военачальникам дозволялось навестить дом, и то лишь по особому указу императора Умина. Без зова покидать рубежи было строжайше запрещено. Дорога туда и обратно занимала больше пяти месяцев — если бы командиры уезжали каждый год, это пагубно сказалось бы на безопасности границ.

Въехав в уезд Синьфэн и завидев ждущего у обочины Чжэн Шаньцы, Второй господин велел

каравану остановиться и сам соскочил с коня.

— Дядя, — Шаньцы приветствовал его со всем почтением.

— Дядя, — Ланьи высунулся из окна кареты.

Второй господин с первого взгляда заметил, что племянник не в духе: лицо бледное, вид болезненный. Брови его сурово сошлись на переносице:

— Ланьи, что с тобой?

— Простудился немного, пустяки.

Услышав это, дядя успокоился — мелочи жизни. Шаньцы тем временем знаком велел Ван Фу подкатить телегу с заготовленными дарами.

— Дядя, это крепкое вино. В лагере оно наверняка сослужит добрую службу. Примите это от нас с Ланьи, прошу, не отказывайте.

Подарок пришелся как нельзя кстати. Второй господин Юй был человеком военным, и хотя вырос в знатном доме и повидал немало золота и камней, к подобным вещам был равнодушен. Подношения от чужаков обычно уходили в руки супруги или управляющего — там и без него знали, кому и что дарить в ответ.

Телега с вином стоила меньше, чем драгоценности, но в этом жесте чувствовалась истинная забота. Только свои люди станут гадать, что на самом деле пригодится в походе, пока остальные думают лишь о пышности и престиже.

Тот хлопнул Шаньцы по плечу:

— Хорошо. Это доброе вино я принимаю.

Шаньцы, преодолевая боль в плече, выдавил улыбку.

«Неужто у всех военных такая тяжелая рука?» — пронеслась мысль.

Заметив, что Ланьи всё еще с любопытством выглядывает наружу, дядя строго прикрикнул на него:

— Снова голову высунул, сквозняки собираешь? Сиди в карете и не высовывайся!

Ланьи прикусил язык. Давно его так не отчитывали старшие, даже отвык немного.

— Мы торопимся на границу, так что задерживаться не станем. Здесь подарки от старшего брата, невестки, Чансина и из поместья гуна Инго... — Второй господин терпеть не мог таскать за собой лишние тюки. Он ехал на службу, а не на гулянье, и ворох вещей казался ему обузой.

Стоило ему в столице заикнуться об этом, как Хоу Чанян тут же задал ему трепку:

— Внутри страны нынче спокойно, ты просто ленишься! Ты на службу едешь, а Ланьи там жить. Нечего глаза пучить, дело говорю.

Так и пришлось подчиниться воле старшего брата. Второй господин велел передать все дары из столицы и, не тратя времени на пустые разговоры, скомандовал к отбытию:

— Возвращайтесь. Нам пора.

— Доброго пути, дядя, — поклонился Шаньцы.

Второй господин Юй стегнул коня и сорвался с места. Ланьи смотрел в окно, пока всадники не скрылись из виду.

— Поедем домой, Ланьи.

Ланьи грустно кивнул и откинулся на подушки. Нос его покраснел, а на щеках проступил болезненный румянец. Шаньцы притянул его к себе и нежно поцеловал.

***

Когда уезд Синьфэн остался позади, супруга Второго господина Юя вздохнула:

— Что же ты так быстро уехал, даже не поговорил с ними толком.

— Ланьи болен, чего я буду там ляды точить? Быстрее на границу — вот это дело. В столице целыми днями на эти лисьи морды смотреть сил нет, душа так и просится в степь, коня в галоп пустить.

В столице их ждали одни лишь бесконечные приемы, от которых нельзя было уклониться. Будто и не на праздник приехали, а на каторгу. Каждый день — пиры, лица, которых и не вспомнишь... Второй господин был по горло сыт столичной жизнью и мечтал поскорее вернуться в родные лагерь.

Теперь, когда Синьфэн остался позади, он всем сердцем стремился к рубежам империи.

— Ланьи-то я и не видела толком... Неужто такой хрупкий, что от ветра заболевает? — пробормотал Гэ'эр Цуй в карете.

Юй Чжэн, скакавший рядом, услышав это, сурово отозвался:

— Всякий может занемочь. В этих краях тело долго привыкает к переменам. Вот кончится срок службы Шаньцы — и незачем им больше здесь оставаться.

— Ну конечно, все вы о нем печетесь, — фыркнул Гэ'эр Цуй. — И слова сказать нельзя. Юй Чжэн, ты и впрямь молодец.

С этими словами он резко задернул занавеску, оставив мужа ни с чем. Юй Чжэн лишь вздохнул. И ведь не скажешь, что тот притворялся раньше... До свадьбы — само воплощение кротости: улыбка едва заметная, походка — лотос расцветает, глаз не смел поднять. А как поженились, как заполучил желаемое — так и нежности поубавилось. Больше и притворяться не желает.

Юй Юй, видя, как брат переругивается с невесткой, лишь молча ехал у кареты своего супруга, не ввязываясь в споры. Гэ'эр Вэй, видя, что мужу нелегко в седле, приоткрыл занавеску:

— Сянгун, может, присядешь в карету на часок, отдохнешь? Путь еще долгий, успеешь еще наскакаться.

— Мне не в тягость, — отозвался Юй Юй, расплываясь в довольной улыбке от такой заботы. — Но, пожалуй, посижу с тобой.

Юй Чжэн лишь покосился на них:

— Проклятый везунчик...

***

Прошло три дня, прежде чем Ланьи окончательно поправился. Он распорядился разобрать столичные подарки и отправить их на склад; себе оставил только рогатку, присланную Юй Чансином, — вертел её в руках, забавляясь. Чжэн Шаньцы, вернувшись со службы и застав супруга в добром здравии, не смог сдержать улыбки.

За эти дни он совсем отвык от тишины в доме, и теперь, видя Ланьи полным сил, почувствовал, как с души свалился камень.

Пока новый помощник начальника уезда еще не прибыл, все бумаги Шаньцы приходилось разбирать вместе с регистратором Цзяном. Отсутствие одного человека было весьма ощутимым — горы отчетов росли не по дням, а по часам. Обработка дел отнимала почти всё время, а в редкие свободные часы Шаньцы по-прежнему спешил в деревни — проверить, как растут лекарственные травы и как продвигается строительство дороги.

<http://bllate.org/book/15809/1440254>